

«И он нам все рассказывает: девочки, езжайте только домой, Харьков уже освобожден, в Харькове уже жизнь налажена, все восстановлено, ну трепался, как хотел. Чтоб только мы ехали. Ну, видно, у них или задание было такое, агитировать»

ОЛЕКСАНДРА ГАЛКІНА

Олександра Миколаївна Галкіна (уродж. Кривцова) народилася у 1928 році у Курській області, звідки того ж року родина переїхала до Харкова. До початку німецької окупації Олександра закінчила 9 класів. У 1942 році з Харкова була вивезена на примусові роботи до Німеччини, де працювала в Берліні на заводі AEG. У Берліні познайомилася зі своїм майбутнім чоловіком, солдатом Червоної Армії, з яким одружилася одразу після повернення до Харкова, де провела все життя.

Інтерв'ю з Олександрою Галкіною було записане 8 грудня 2005 року в межах Міжнародного проекту збору документальних свідчень про долі людей, що в роки Другої світової війни залучалися до рабської та примусової праці на території Третього Рейху (International Slave- und Forced Labourers Documentation Project / Internationales Sklaven- und Zwangsarbeiter Befragungsprojekt). Інтерв'юєрка – Гелінада Грінченко.

Уривки з інтерв'ю

Началась війна, почалась вот эта оккупация, почалась эта мобилизация. Ну... сестра моя, конечно, подлежала к мобилизации, ей все время присылали вот это повестки. Она то травила себя чесноком, раны делала на ногах, на руках, травила. Потом пряталась на чердаке, прятали ее. Как придет повестка, мобилизация придет, а мы ее прячем, то в погребе, то все... В общем, она все время скрывалась. То на менку уходила, ее не было дома.

А я была как малолетка, меня вроде не брали. Ну последняя уже была такая большая мобилизация, прислали ей повестку. А она взяла себя и обварила кипятком. Нагрела кастрюлю воды, и облила себя вот так, и пошли волдыри, приходят уже немцы домой, говорят: «Что случилось?» – «Ну, обварилась, все, кипятком». - «Не волнуйтесь, мы дадим такую мазь, что через два дня ничего не будет». А мама ее не стала мазать ее мазью, а вот так пробьет волдырики иголочкой, и постепенно, постепенно дует, пока пройдет мобилизация. Нет, приходят опять. Тогда я взяла подругу свою, Полину, она сейчас живет в Мелитополе. Я говорю: знаешь что, Полина, давай понесем повестку на биржу и скажу, что вот такое случилось, ну что они все время присылают эти повестки? Пошли мы туда. Приходим. Я подхожу туда, там сидели две девочки. Говорю: вот, сестра обварилась, вот не может, все. Они говорят: пройдите в ту комнату. Мы прошли в ту комнату. Другая вот так... Они сидят, а там дверь, и другая комната. Зашли мы, а там уже было человек, наверно, 60. Конвой стоит. «Нет, сестра не поедет, так вы поедете». Ну, что делать? Ладно, поедем так поедем. Все равно убежим – подруге этой, Полине. Ну, посадили в вагоны, везут нас. Везут.

А вот не помню, или это на Западной Украине на границе, или уже около Польши. Нас выпустили в какое-то поле, ну, значит, чтоб мы там свои дела сделали. Поле было

кукурузное. Вот это ж был апрель месяц, но с прошлого года ж остались какие-то, или подсолнух, вот помню, что коренья эти были. Ну мы, значит, за эти коренья, та бегом, бегом, бегом с Полинкой, бежали, бежали, и хорошо уже убежали, уже поезда не видно было, можно было бы и... И вдруг откуда ни возьмись встает мужчина. Меня берет за шиворот, и ее, Полину, и ведет к поезду, и к немцу. Говорит, вот, хотели удрать. Ну, получили мы, конечно, по голове. И ехали мы уже не со своим вагоном, а ехали с каким-то другим. В последний вагон какой-то нас втиснули, и мы уже без ничего, везли нас, везли, и привезли нас во Франкфурт-на-Одере. На Одере.

Вот там уже мы... конечно, там и музыка играла, и там нас встречали, и музыка играла. А потом пришли уже покупатели. Покупатели – немцы, с собачками, такие дамы. Выбирали себе прислуг, выбирали. Ну мы маленькие с Полинкой были, такие куда там нам до прислуг. Щупленькие, худенькие, не подходили мы. И вот они отобрали таких сильных девчонок, забрали. Или они их покупали, или, вот это мы уже не знаем. А нас всех отправили на завод. В бараки, в лагерь, и всех на завод. Попали мы в лагерь, уже там были до этого люди. А лагерьфюрер раньше был какой-то другой. А когда мы уже приехали, тогда была фрау Труман, вот это женщина, строгая была, конечно.

Ну, поселили нас в бараке, бараки такие прохладные были. Поселили, потом на завод повезли. Завод, значит, там вот барак, а тут Шпрея, речка, и по этой речке на пароходе нас возили. Никуда мы не могли выйти, колючая проволока кругом в 3 – 4 ряда, и высоченная проволока, ограждение было. И вот мы, значит, нас привезли на завод пароходом, запустили, мы отработаем смену, опять на пароход, опять завод, опять лагерь. И все, другого мы ничего не знали, не видели. Не выпускали нас сначала никуда. Уже перед концом войны, вот начали, ослабление такое пошло, что нас, разрешили нам ходить, даже, мы в кино даже ходили. А чего...

Ну, носили «OST»ы. Нам дали робы. Зеленые, помню, юбки, жакеты и колодки. И вот мы когда идем, значит, на пароход, а эти колодки эти выстукивают, а мы под этим поем: в бой за Родину, в бой за Сталина... Поем песню. Немцы кричат: «Руе, менш...» Собаки... они с автоматами, сопровождают на пароход, даже вот на пристани и то сопровождали нас. А мы все равно пели. (Смешок. – Р.И.). Кричат: «Руе... рует, меншен». Вот так отработала я два с половиной года на этом заводе. Была обмотчицей. Мотали шпульки на самолеты.

[...]

Отработала два с половиной года на заводе, а потом... Пожар. Это, тревога. Мы заходим в бункер. Из бункера выходим, бомбежка страшная, горит наш барак. Все сгорело, все, что было, сгорело. Я даже, помню, намочила белье, в тазике, что-то там платице какое-то было. И этот обгоревший таз, все сгорело. В чем стояли, в чем были, в том и остались. Остались голые и босые. Ну, тут момент убежать. Давай мы удирать. Разбежались все. Вот, кого не спрошу, все мы убежали, а куда кто бежал – не знаю. Мы бежали, нас 6 человек девочек бежало, мы смотрим – лесок. Мы через лес, через лес. Одни сутки, вторые сутки, три, трое суток. Тут дождь, тут холод, мы в шелковых этих платицах своих, холодно. Ну, бежали-бежали, и какая-то деревушка вроде. Вроде в какую-то деревню, а где, что, мы не знаем. Потом смотрим – хозяйство какое-то. И смотрим – бегают девчонки, и по-русски разговаривают.

Мы: стоп, это наши девчата. Подозвали одну, говорим: «Девушка, идите сюда. Вот, так и так, мы убежали из лагеря, вот что нам делать, куда нам, где мы находимся?» Она говорит: «Подождите, сейчас хозяин уйдет, я вас заберу». Валя, помню, ее звали Валя. Ни фамилии, ничего не знаю. Не помню. Она нас забрала, на чердак нас посадила, и там мы недели две, мы там у нее были. Две недели они нас там кормили, воду носили. «Ну, девчата, - говорит, - если только узнает хозяин – и нам, и вам концлагерь неминуем». Ну, Бог миловал, все обошлось.

А к ним ходил из мужского... там недалеко мужской лагерь был, ходил мальчик. Ну, он не мальчик, ему было, наверное, лет 25, вот переводчик был там, Леня. Хороший парень, Царство ему небесное. Он приходил к этим девчонкам. Что там у них было – может, роман какой, а может, нет, просто как... соотечественник приходил. Ну ему сказали девчонки, что: «Леня, что нам делать? У нас 6 человек сбежавших из лагеря». Он говорит: «Что делать... Я поговорю со своим лагерьфюрером». А лагерьфюрер был чудесный. Или он был или коммунист. Я вот не пойму. Но был очень добрый человек. Он сказал: «Леня, не переживай, я все сделаю. Пусть, я в свой лагерь взять не могу, потому что мужской лагерь, а я помогу им».

Ну он, значит, напра... на второй день пришел Леня, забрал нас, мы пошли к этому лагерьфюреру. Как сейчас помню: здоровый такой дядька, вот такой вот он, но лицо доброе такое было. Он дает нам полиция с автоматом, написал нам записку какую-то, и на биржу труда. Послал нас на биржу труда, они нас заре... А все ж – арбайтскарты, все у нас погорело, у нас никаких документов, ничего, говори, что хочешь. Ну мы... другие меняли фамилии, мы не меняли фамилии, ничего. Они, значит, взяли нас... оформили, дали нам какие-то арбайтскарты новые, что ли. Он (лагерьфюрер) говорит: «А обратно придете сюда, ко мне придете». А у него был штат. Был буфетчик, который продавал там ситро, пиво, папиросы. Потом, был какой-то повар, немец, потом еще кто-то, в общем, человек пять он устроил нас по лю... по своим сотрудникам.

Ну вот я попадаю... Полина попала в пекарню. Тоже хорошие у нее были люди, хорошие хозяйева. А я попала вот к этому... что про... это, киоск держал там в лагере, держал вот это вот: лимонад, пиво, сигареты. Говорит: пош... пошли, он меня забирает, идем мы домой, это, к нему домой. А я ж иду в одном этом платье, раздетая, все. Тут хозяйка глянула на меня, не знаю. А рост у нас одинаковый с ней. Она пошла в спальню, открыла шкаф, вытащила платье, вытащила пальто. Босые ж. Туфли такие рваные, все, а ну, три дня под дождем в лесу – это страшно. Одели меня, обули меня, ну и сказали: «Вот это ты будешь делать вот это, вот это, вот это». Наутро я просыпаюсь... дали мне комнатку небольшую, там такая комнатка. А темная, а в дверях было окошечко, стекло. Там диванчик и столик у меня был. Поместили они меня в эту комнатку, сказала, что мне делать. Ну вот, уберем. Убрать вот это вот помещение... там четыре столика всего было. Ну, заходили люди, лимонад выпьют, уйдут, пиво выпьют – уходят. Я должна была посуду помыть, полы помыть, все убрать, отнести белье в прачечную. А прачечная на втором этаже была – женщина, частница, стирала им белье. Короче говоря, особой работы не было, а... ну потому что у нас мама болела. Мы к этой работе приучены были, мы знали, что это такое. Окна там огромные, вот с окнами мне была проблема, (смешок) вот это штанга такая, оно высокие окна, большие. Помыла окна там, поприбирала. и все, я свободна. Ну а потом я начала ходить к своим девчонкам в лагерь там. Приходила, «так

ты, - говорят, - вообще...» Ну, одета в ихней одежде там... Я уже... Да, приходила там парикмахерша к ней каждый день, ее причесывала. Она говорит: «Причеши... Валя, причеши и Александру мою».

И меня причесывали. Ну я ж тоже выходила в зал, люди ж смотрели, посетители, им же стыдно было. Один раз сижу, а у меня еще... а, туфли, старенькие были, еще не дали мне туфли. А тут вот дырка была, а я сижу. А хозяин смотрит из-под прилавка: что это такое?! А я вот так вот дырку закрываю... А он пошел к жене и говорит: «Немедленно поменяй туфли ей, (со смехом) что это такое!» Позорище такое. Она мне принесла новые туфли. Я одела. Ну и смех и грех. Пожила я у них...

Они вообще... чего-то полюбили меня. Я писала дневник. А у них был чех на квартире, парень, молодой парень. И он увидел, что я пишу дневник, и сказал хозяйке. Она мне сказала: или сожги на моих глазах дневник, или я сейчас звоню в гестапо. Боже мой, что мне делать? А мне так жалко было. Я за каждый день, за лагерь писала, за завод писала, как на заводе все. Ну пропал дневник, сожгла я этот дневник, а потом... Ну что еще... Ходила я в лагерь уже к девчонкам своим, уже общалась с ними, уже на электричке я ездила. Вот как тревога, хозяйка: «Идем, Александра, в бункер, идем, Александра». Давала она мне вот такой мешочек с чем-то тяжелым: «Неси, Александра». Вот чего-то она мне доверяла. Ну мне кажется, там это было или сбережения, или золото, или серебро, что-то было. Ну вот такой мешочек. И я тащу тот мешочек, (со смехом) и за ней иду, в бункер спускаемся. В метро, мы в метро, это, на станции прятались от бомбежки. Кончилась бомбежка, возвращались домой, и опять... Доверяла она мне. Доверяла. И питались мы за одним столом. Вот приношу из... они ж по карточкам все получали. Приношу булочки. Булочки такие маленькие были. И... с какими-то бутербродами. Ну, они съедали по две, по три, а я ж – истощенная, худючая, 44 килограмма, черная... И что вы думаете. Они говорят... Вот 10 булочек я брала, значит, они две, ну, шесть, а четыре оставалось. Она говорит: а, это Гансу отнесешь пороссятам. (Иронически) да, сейчас. (Со смехом) я беру эти булочки и съедаю уже без начинки без всякой. Съедаю эти булочки. Потом убираю ж... ну, прилавок, наливаю стакан лимонада. Лимонад, сладкий, с булочкой. (Со смехом) а я через три недели, я набрала, 70 килограмм у меня было. Значит, 44, считайте, вот эти 26 килограмм я набрала. У меня даже фотография вот эта, портрет у меня есть. Вот такая я стала через месяц, я у них отъелась. (Смех). А те, те булочки, которые пороссятам были предназначены, те шли мне, поросенку. (Смех обоих женщин). Ну а потом...

А вот напротив меня жила девочка, там мясники были. Меня не обижали, нет, не могу сказать. А напротив меня – каждый день плакала, каждый день кричала эта девочка. А я через дорогу, я спрашиваю: «Что такое, что с тобой?» Она говорит: «Бьют. Хозяин так бьет». Я говорю: «За что? Что ты такое делаешь, что он тебя бьет?» - «Не знаю. Вот придирается, - говорит, - бьет, и все». И она орала, бедная, на всю улицу орала. А я вот открываю окна, постель просу... проветриваю, а она - напротив окна ее, и так мы общались. Ну мы не ходили друг к другу, а так вот... когда ее нет роди... этих, хозяев, и она ото мне жаловалась.

Бил ее хозяин, а за что – не знаю. Ну, короче говоря, эти хозяева... да, вот еще, хозяйка эта решила ехать в гости во Франкфурт-на-Майне. У них там родственники какие-то были. И говорит: «Александра, поедем со мной?» Я говорю: «С удовольствием,

но как? Ни документов, ничего ж у меня нет». – «Знаешь как? Садимся в поезд. Ты – глухая и немая. (Смех обоих женщин). Никому ничего. К тебе будут обращаться, а ты молчи, вот не знаю и не умею». И что вы думаете? Едем мы. Едем. А я стою у окошка, такая, думаю, интересно, что ж там меня ждет? А она говорит: «Там хоть клубники поедем», у них такая клубника была. Это родственники были какие-то. Подходит ко мне морячок. (Смех). Начинает со мной разговаривать. Молодой парень. Я ему показываю: не слышу... и немая, и глухая. Он тогда: Боже мой... так посмотрел на меня: глаза нормальные, все нормальное, вдруг – и немая, и глухая. Ну, хозяйка смотрит, смеется. Ну, приехали мы туда, наелись мы там клубники. Были, наверно, с неделю там. Ну, я довольна была этой поездкой. Ну, все было нормально.

Потом, когда уже наши начали уже, слышно было, и самолеты наши сильно бомбили, и катюши слышно было, и все, он приходит, говорит: «Александра. Надо тебя пристроить куда-то в другое место. Говорят, что кто был у хозяев ваши там... нехорошо относятся к вам». А мне все равно... «А где вы найдете?» - «Я тебя устрою. У меня есть знакомый Эмиль, он держит фирму вот эту вот, по... по уборке улиц, по развалины убирают, вот. Там, - говорит, - надо штук 200 кирпича выбрать из этих развалин, а тогда можешь целый день спать». Я говорю: «Хорошо». Там нас была бригада человек 30. Перевел он меня туда. Ну я больше не ходила к нему. Потому что некогда уже было. Наши уже наступают, ждем уже своих, и я просто не ходила. Вот эти, и было нас человек 30. Кухня, конечно, Лиза была с Богодухова, своя девочка, это им..., а мастер был, этот Эмиль, он был из бывших военнопленных, еще с той войны (с Первой мировой. – Р.И.). И он, значит, нам... нас, очень помогал нам, страшно, говорит: «Мне помогали русские, и я буду вам помогать». И приносил нам и одежду, у кого не было чего, и еду. Жена приносила нам бутерброды. Принесет целую кастрюлю бутербродов, накормит нас. Правда, лучше было нам, гораздо лучше. Во-первых, мало людей было, во-вторых, вот эти вот помогали. Ну а я ж не рассказала еще про ту француженку.

На заводе мне помогала француженка, тоже бутерброды мне подкладывала, яблочки, грушки, она получала посылки. Конфеток подбросит мне. Я... мы на одном станке работали, разные смены у нас, на одном станке. Вот отходы проволоки, она за проволоку туда. Было, нас заводят, а ее вы... а они выходят. Она мне моргнет, что, «смотри, там же есть». Такая хорошая была француженка, помогала мне. Вот как сейчас ее помню. Но она пожилая была. Ей было лет 30. Я считала, что она пожилая против нас (смех). Лет 30 ей было. Рыженькая такая. Там помогали... вообще, вот я ж говорю, было, были среди немцев, были и люди. Вот этот Эмиль – мы ему нужны были? А он нам всем, кому обувь нужно, кому платице было нужно, кому что, с едой помогал.

А потом уже слышим – вот-вот-вот уже на подступах наши части. Мы сидели в Темпельгофе, в этом, в аэропорту, в подвале. Ну, заходят эти, команда саперов. Саперы. Их человек, наверно, было 20. Ну а мы ж сидим тоже... а там был снайпер в углу, и их по одному. И вот командира... убили, первого убили. Ну, мой... «мой» (смех) – один парень взял командование на себя, снайпера этого снял, увидел, с какого угла он стреляет. Он его, значит, повернул так, что он упал. Нет, убили, видно, его. Ну, зашли они. И видят, что наши, русские девчонки все. Ну, он говорит, что: «Смотрите, ребята. Если кто обидит хоть одну девочку – буду стрелять сам. Своей рукой буду стрелять». Ну эти солдаты все положились спать, отдыхать, уставшие все. Это первые вошли они. А потом уже пошли

танки, катюши, все они. На Берлин уже наступление. Сел вокруг нас, вот так сидит, а мы вокруг окружили, человек 400 окружили и вот так сделали мы как все равно небосвод какой-то. И он нам все рассказывает: девочки, езжайте только домой, и Харьков уже... Харьков уже освобожден, в Харькове уже жизнь налажена, все восстановлено, ну трепался, как хотел. Чтоб только мы ехали. Ну, видно, у них или задание было такое, агитировать, чтоб мы... Девчонки ж там - кто куда. Могли и во Францию ехать, и туда, и туда. Встречались с ребятами, и секрета нет.

Ну я... я еще ребенок была. Несмышленьш. А девочки многие устроили свою жизнь вот так. Ну он говорит, рассказывает, что в Харькове все хорошо, езжайте, и все, а потом говорит: «А кто у вас из Харькова?» Я молчу. Я боюсь. (Смех). Я молчу. А девчонки там, с Богодухова, с периферии, говорят: «Я, я, я, я». Он: «Где ты жила, где ты жила?» - «Я в Богодухове, я...» А он говорит: «Нет. Харьковчанки есть такие?» А Люба эта с Богодухова говорит: «Вот наша харьковчанка». А он ко мне: «Где живешь, где это...» И потом мы, значит, вроде как... как одна... вроде, земляки.

А он говорит: «Дай мне твой адрес, я напишу твоим родителям. Что я тебя встретил, что ты жива». А то ж они не знают, я ж, никакой переписки, ничего не было. Я дала ему адрес, он мне дал полевою почту. Еще подарил платочек такой, шерст... такой шелковый, ну, такой небольшой платочек. Говорит: «На тебе на память. Жив буду – значит, напишу. А вот... и ты потом напишешь мне». Я говорю: «Хорошо». И поехал. Он поехал дальше, на второй день мы... и мы уже ушли, мы ушли к границе. Идем, подвезли нас солдаты, наши ж уже ехали туда, к Польше, и говорят: «Садитесь, девчата. Подвезем нас на вокзал». Привезли на вокзал. А на второй день... оставались девочки, оставались там же, в бункере – он приезжал на мотоцикле, вот этот, этот солдат. Видит – меня нет. «Что ж такое? А где ж она?» - «А она пошла. Пошла, - говорит, - где-то договариваться...» Фрося там, встретила своих этих, земляков, даже односельчан своих встретила, и они сказали: «Ты приходи, мы машину вам дадим, и отправим вас на вокзал, до самой границы». Ну, она говорит: «Пошли со мной». И пошли. Ну я... в общем, меня не было тогда (когда приезжал солдат). Уехал, приезжаю я на вокзал...

Да, до вокзала еще, уже серело, а нам куда деваться – не знаю. Это уже в Польше. Стоит такой пожилой человек и говорит: «Девчата, идите ко мне. Чего ж вы будете на ночь глядя на поезд? Идите ко мне. Я вам комнату дам на втором этаже». А нас человек 6 было. И между нами было 3 девочки и три женщины такие, в возрасте. Он нас поселил в ту комнату. Ночью слышим голоса, пьяные солдаты с матами стучат в нашу комнату, в дверь. «А, сякие-такие... Значит, открывайте». Вот, при Игоре (при операторе) не могу сказать. (Смешок). «Открывайте. Иначе мы всех сейчас перестреляем». Ой, что нам делать? Они пьяные, видно. Ну, такие голоса пьяные. Мы испугались, конечно. А эти женщины три, они говорят: «Девчата, не волнуйтесь, мы сейчас к ним пойдем, нам терять нечего, а вас надо сберечь». Ну, короче говоря, пошли они к ним, спустились вниз, они их там напоили еще больше, они и заснули, эти солдатики. Тогда они бегут: девчонки, скорей, сматываемся, бегом! Мы выходим, а они спят. (Со смехом) им уже ни девочки не нужны были, ничего.

Идем мы к границе ближе, пришли на вокзал, стоит поезд. На Харьков. Подходим к проводнице: «На Харьков?» - «На Харьков». – «Нас довезете?» - «Довезу, если дадите мне вещей». Вещи нужны ей, тряпки. А у меня ж ничего не было. Я никуда не ходила,

ни, ни по домам, никуда, в одном платье так и была. Один чемоданчик у меня был, значит, фотографий полчемодана было, и брикет этого, меда, и буханка хлеба у меня была, девочки дали. Говорят: на, а то ты сдохнешь, ты ж... дорога еще впереди. Выручили меня. А девочки ходили, одевали и шубы, и платья, и чего они там не грабили. Но я не ходила. Так папа нас воспитал: не брать чужого – не будешь отдавать свое. Хотя нас три раза обокрали (смешок). Это все неправда, наверное. Ну, короче говоря, пришли, а я говорю: «Ну что, если у меня нет ничего? Вот я в одном платье, вот в чем стою, в том еду». – «Не знаю. Я не возьму тебя». И она харьковчанка сама, жила на... сейчас поселок Кирова, напротив моего дядьки. Я говорю: «Где вы живете?» - «На поселке Кирова». – «Каменевого знаете?» - «Знаю». Я говорю: «Это мой родной дядя». Я говорю: «Папа мой отдаст все, что вы скажете, он рассчитается с вами дома». – «Нет, ничего не знаю». Тогда девочки берут из своих чемоданов, выбрасывают тряпки: кто блузку, кто платье, кто там шарфик, ну, в общем, накидали ей целую кучу тряпок. «На, - говорит, - бери, если ты не человек. Ну ты ж видишь, что у нее ничего нет?»

Вот. Так она, значит, взяла все эти тряпки и говорит: «Ну иди уже». Сделала одолжение. Я приехала. Конечно, она сказала... она напротив моего дяди жила. Вообще бессовестная женщина была. Как сейчас помню ее. Маленькая такая, вредная девочка была. Женщина. Ну ей лет 30 было.

Короче говоря, я приехала домой, мамы дома нет. Она пошла на речку. На речку – полоскать тряпки какие-то. А де... детвора побежали, с улицы детвора, побежали: бабушка, Шура вернулась! Мама говорит, бросила и тряпки все там, прибежала домой. Встреча была с мамой.

[...]

Вот это ж проверка была в Раве-Русской, нас послали ж на... на осмотр к гинекологу. А я не пошла, порвала эту записочку: «Мне там делать нечего». А он говорит: «Как это нечего?» Я говорю: «А вот так. Я какая приехала, такая и уезжаю». А он тогда говорит: «Что ж такое? Не может быть». Я говорю: «Может». У нас одни девочки были в лагере, мальчишек не было, хотя кто хотел – находили, и мальчиков, и всех. И французов, и голландцев. Ну мы не те, мы дети были. Не те были... не то воспитание у нас было. Ну и все.

А потом, значит, вот эта проверка. Зарегистрировали, где работал, где жил, как жил, все там писалось. Ну а когда... когда как раз было 9-е мая, а мы на пересылке на этой. И вот музыка, победу ж празднуем, все. А этот следователь начал ухаживать за мной. Начал уже приглашать танцевать. (Смешок). Потанцуем, а дальше все. А потом мы там уже это... Накормили нас гороховым супом жирным. Сразу. Мы поели, потом мы не знали, куда бежать. (Смех). В очереди стояли. Ой, комедия была.

Приехала. Приехала, лежит на столе письмо. От этого ж милого. «Проходя через город Берлин, я встретил вашу дочь, которая передает, что она жива и здорова, и скоро-скоро будет дома. С уважением, такой-то - такой-то». А мама сидит, переживает, говорит: «Ну все, это какой-то солдат насмеялся, написал, отписался и все». Переживает страшно. И я приезжаю через несколько дней. Мама говорит: «Солдат прислал письмо, - говорит, - от тебя». Я говорю: «Ой, мама, нет, он хороший человек, он даже не разрешил солдатам ни одну девочку обижать». – «Ну, если он такой хороший, напиши ему письмо благодарности, что мы ему очень благодарны, что он известил, что ты жива-здорова». Я

написала. А его уже из Берлина послали: «Ты хорошо воевал». За заслуги, в академию. Военно-инженерная академия в Москве. «Езжай, учись, и будешь человеком». Он поехал. Поехал в Москву. Из Москвы присылает мне письмо, а военная часть же. Пош... попало мое письмо к нему. Он мне опять письмо, а он мне обратно письмо, он снова, и так 8 месяцев, пока он был в академии, мы переписывались.

Вдруг, мы сидим с Полинкой же ж этой у нас дома, у нас такое на кухне окно было. Сидим, разговариваем, открывается калитка, шинель показывается. «Господи, кто ж это к нам идет?» Когда лицо – а он уже мне перед этим фотографию прислал в письме. Высовывается его лицо. Я говорю: «Полинка, Юрий приехал». Она как рванет: «Ой!» А папа с мамой где-то были, не было дома. Я говорю: «Ты что, не уходи, - я говорю, - не уходи». Ну, приехал в Харьков, коренной харьковчанин, приехал с фронта, вся грудь в орденах, а квартира занята их. Он жил на этом, на Пушкинской, а отца квартира пропала, любовница отобрала. А на Ярославской квартира – мама бросила во время войны, ушла в Днепропетровск, и отдала людям чужим. Он говорит: «Не буду ж я их выгонять». В общем, негде. И он остановился у нас. Месяцев три он оста... был у нас. Он оббежал всех друзей, всех этих. А я уже на курсы поступила, стенографии и машинописи. Уже папа меня устроил, говорит: «Вот закончишь курсы – будешь в конторе сидеть, и будет хорошо». – «Ну хорошо».

Стали мы встречаться. Три месяца повстречались, и он у мамы просит моей руки. Мама говорит: «Нет, Юрочка, она младшая, у меня еще старшая дочь. Вот будешь венчаться - ...» А куда ж ему венчаться – он коммунист. (Короткая пауза). Что делать? «Ладно, буду венчаться». (Смех). Пошли, повенчались мы, стали жить-поживать, вот это ж пошли дети потом, и все, а потом его мечта была – построить дом. Построили дом, посадили сад, народили детей – (смешок) вот это вся моя биография. А проработала я всю жизнь – 53 года стажа.